

Текст · 24 июля 2020, 08:21

Александр Бородихин,

Скрытое значит политическое. Как одиночные пикеты в полицейских протоколах превращаются в коллективные акции

2012. Госдума вносит поправки в закон о митингах: теперь суд может признать серию пикетов одним мероприятием

До 2012 года законодательно регламентировать одиночные пикеты в российские власти формально даже не пытались. «Активно использовалась статья 19.3 КоАП^[1], — говорит глава правозащитного проекта “Апология протеста” Алексей Глухов. — До 2012 года и протестов было не так много. Период 2009–2011 годов прошел на фоне превентивных арестов, [полицейские] придумывали “невыполнение требований”, “мелкое хулиганство” и прочее. Перед какими-то мероприятиями, приездом важных лиц активистов тупо закрывали, а арестов [за пикеты] не было». Он добавляет, что даже статья 20.2 КоАП^[2] была «неарестной» до 2014 года, когда в нее включили часть 8 с наказаниями за повторные нарушения на акциях протеста.

Ужесточить законодательство об митингах власти решились после «марша миллионов» 6 мая 2012 года на Болотной площади — автором поправок стал молодой депутат Госдумы Александр Сидякин, который предельно эмоционально отреагировал на столкновения с ОМОНОм на Болотной: «В России должны появиться политзаключенные. С завтрашнего дня».

Законопроект Сидякин с коллегами внес в Госдуму уже 10 мая.

— В тексте законопроекта дано абсолютно неправильное определение одиночного пикетирования, в результате чего может быть принято решение органов власти, что это не одиночный пикет, — предупреждал депутат-оппозиционер Геннадий Гудков на обсуждении поправок в Думе. — <...> У вас объявлено, что два человека с одинаковыми, схожими плакатами — это уже групповое пикетирование, надо их забирать, в автозак бросать и везти, так сказать, оформлять очередные лживые рапорта.

Поправки в закон о митингах вступят в силу через месяц — президент Путин подпишет их уже 8 июня.

Новая редакция закона предусматривала ограничения для одиночных пикетов, которых прежде в законодательстве не было: хотя уведомлять о проведении пикета местные власти по-прежнему не нужно, судам разрешили считать серию пикетов, объединенных общей темой и организацией, единым массовым мероприятием.

Пикетирование — форма публичного выражения мнений, осуществляемого без передвижения и использования звукоусиливающих технических средств путем размещения у пикетируемого объекта одного или более граждан, использующих плакаты, транспаранты и иные средства

наглядной агитации, а также быстровозводимые сборно-разборные конструкции.

<...>

Совокупность актов пикетирования, осуществляемого одним участником, объединенных единым замыслом и общей организацией, может быть признана решением суда по конкретному гражданскому, административному или уголовному делу одним публичным мероприятием, за исключением случая, если этот участник предполагает использовать быстровозводимую сборно-разборную конструкцию.

Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»

Конституционный суд закрепил понимание серии одиночных пикетов как коллективной акции в начале 2013 года — через полгода после принятия сидякинских поправок. Тогда суд рассмотрел жалобы недовольных новым законом депутатов Елены Мизулиной («Справедливая Россия») и Вадима Соловьева (КПРФ), а также «гражданина Савенко Э. В.» — Эдуарда Лимонова. [Постановление](#), в котором судьи ссылались^[3] на Священное писание и Конфуция, утверждало новые ограничения для пикетчиков — КС заключил, что они «направлены на воспрепятствование злоупотреблению правом не уведомлять органы публичной власти о проведении одиночного пикетирования». При этом

КС подчеркнул, что в каждом случае групповой характер акции должен устанавливать суд.

В этом же документе одиночный пикет впервые назван «скрытой формой коллективного публичного мероприятия»; в полицейских протоколах и решениях судов эта формулировка приживется много позже, в 2017 году.

Европейский суд по правам человека за эти годы не раз давал оценку задержаниям участников одиночных пикетов в своих решениях. «Общая позиция ЕСПЧ такая: "Ну и чего, что они стоят? Ну пусть немного близко друг к другу — никого не убивают, убивать никого не просят", — кратко пересказывает дух судебных решений Глухов. — У ЕСПЧ богатый опыт по десятке и по одиннадцатой^[4]».

Эта логика прослеживается в решениях по делам Владимира Капустина из Екатеринбурга (2006 год, одиночный пикет против «Единой России», задержан и отпущен без протокола; в 2019 году ЕСПЧ присудил ему две тысячи евро компенсации за прерванный пикет^[5]) и Аскербия Милинова из Майкопа (2007 год, пикет во время празднования 450-летия вхождения Адыгеи в состав России, задержан сотрудниками ФСБ; ЕСПЧ пришел к выводу, что прекращение одиночного пикета не было «необходимым в демократическом обществе» и назначил почти 10 тысяч евро компенсации^[6], до которой Милинов не дожид).

В 2012 году в Ростове-на-Дону после отказа в согласовании митинга активисты вышли с

одиночными пикетами, но их все равно задержали и оштрафовали. Хотя в ЕСПЧ российские власти настаивали, что пикеты образовывали групповую акцию, суд встал на сторону пикетчиков, не усмотрев никакой необходимости в жестких мерах «в отсутствие насильственных действий со стороны протестующих».

2017. Практика формируется

Август 2017 года. Симоновский районный суд Москвы рассматривает административные протоколы^[7], составленные на Алексея Навального, Леонида Волкова и Николая Ляскина за призывы к участию в «агитационном субботнике». В протоколах субботник назван «скрытой формой публичного мероприятия». «Скрытый призыв к публичному мероприятию, ну что за ахинея? Вы же учились на юридическом факультете», — обращается к судье Маргарите Буториной возмущенный Навальный, но та непреклонна — общая сумма штрафов на троих достигает 850 тысяч рублей.

Октябрь 2017 года. «Артподготовку» Вячеслава Мальцева запрещают как экстремистскую организацию, а чебоксарский активист Вячеслав Рыбаков встает в одиночный пикет у памятника Юрию Гагарину. Вскоре, постановил суд, восемь единомышленников, «остановившись под видом случайных прохожих, стали демонстративно наблюдать за действиями и высказываниями Рыбакова В.Б., создавая социально-политическую значимость проводимого несанкционированного публичного мероприятия, при этом все участники несанкционированного

пикета находились от организатора Рыбакова В.Б. на расстоянии не более 5 метров, что менее допустимо-разрешенного законодательством минимального расстояния между пикетирующими, чем осуществили с последним проведение заранее спланированного несанкционированного группового пикета». Активистам в виде наказания назначили десятки часов обязательных работ.

Декабрь 2018 года. Центральный районный суд Новокузнецка назначит штраф координатору «Протестного Кузбасса» Льву Гяммеру за организацию серии пикетов (часть 2 статьи 20.2 КоАП). Экоактивисты стояли по одному с плакатами, поддерживая кампанию «Гринпис» за прозрачность данных о загрязнении воздуха в российских городах. Позже Гяммеру удалось обжаловать штраф и добиться прекращения дела — в отличие от другого протокола Гяммера за акцию «Бессмертный ГУЛАГ» месяцем ранее. Тогда суд решил, что Гяммер заказал в типографии однотипные плакаты и тем самым организовал серию одиночных пикетов как единое мероприятие — хотя активисты вставали с плакатами на большом расстоянии друг от друга.

В 2017 году Конституционный суд рассмотрел жалобу белгородца Владимира Сергиенко, которого двумя годами ранее задержали во время одиночного пикета, но через час отпустили без составления протокола. Иски Сергиенко местные суды отклонили, отмечает КС, поскольку «дальнейшее проведение им одиночного пикетирования могло спровоцировать

противоправные действия в отношении него со стороны лиц, не разделяющих его взгляды, и создать угрозу безопасности граждан».

Конституционный суд, напротив, встал на сторону мужчины, подчеркнув: хотя полицейские вправе доставлять в отдел пикетчика под предлогом защиты от непосредственной угрозы жизни и здоровью, такое вмешательство в ход акции «при очевидном отсутствии названных оснований <...> может расцениваться как неправомерное ограничение конституционных прав на свободу и личную неприкосновенность и на проведение публичных мероприятий, влекущее установленную законом ответственность».

2020. Журналисты и адвокаты — нарушители

В условиях карантинных ограничений по коронавирусу формулировка «скрытая форма коллективного публичного мероприятия» стала использоваться для наказания участников «пикетных очередей» — единственной формы уличного протеста, которая возможна при фактическом запрете массовых мероприятий, отмечает глава «Апологии протеста» Алексей Глухов.

26 мая. Илью Азара и Виктора Немытова задерживают возле здания Главного управления МВД на Петровке во время одиночных пикетов в поддержку основателя проекта «Омбудсмен полиции» Владимира Воронцова. Суд счел пикеты коллективным мероприятием и назначил им по 15

суток ареста^[8], но Азару в итоге срок содержания сократили, а Немытову — отменили.

Судебное решение по Азару теперь ожидает рассмотрения в кассационной инстанции. «Надеемся, что Второй кассационный суд в очередной раз скажет, что Мосгорсуд сошел с ума, — усмехается Глухов. — Потому что не бьется самый основной момент: и Верховный, и Конституционный суд говорят, что [для "групповой" квалификации] пикеты должны проходить одновременно. А полицейские прямо в протоколах пишут: с интервалом в 10-15 минут вставляли в одиночные пикеты. [А суды] просто переписывали, считая, что 10-15 минут — это одновременно».

31 мая. Перед зданием Следственного комитета в Техническом переулке под дождем стоит мужчина в медицинской маске и с плакатом: «31 мая — день российской адвокатуры, но это не праздник, а день скорби по убитым и репрессированным адвокатам!». Это адвокат Дмитрий Берман, организатор серии одиночных пикетов протеста против избиения адвокатов в отделе полиции в Кабардино-Балкарии. Вскоре появляются полицейские в черных масках, которые уводят Бермана и нескольких его коллег в машину.

В ОВД «Басманный» на Бермана составляют протокол сразу по двум статьям КоАП^[9] о проведении «публичного массового мероприятия в форме пикетирования, не согласованного с органами исполнительной власти города Москвы, с количеством участников не менее 6 человек».

Массовость одиночных пикетов майор Дмитрий Попсуев доказывает так: участники «поочередно (с интервалом в 10-15 минут)» выходили с пикетами к зданию Следственного комитета, причем их действия «с достаточной очевидностью» объединяли «единство целей и общая организация». «Своими действиями участники массового мероприятия привлекали к себе внимание средств массовой информации, блогеров и неопределенного круга граждан», — пишет майор^[10].

«Это первый адвокатский протест, по-моему, в истории, — комментировал Берман события 31 мая. — Когда адвокаты вышли не за журналистов, не за кого-то еще, а вышли за своих коллег. Они озвучили публично в форме протеста тревогу за судьбу сообщества и за возможность его влияния на состояние атмосферы в стране и в области правосудия».

Протокол в отношении Бермана Басманный суд рассматривает с середины июня: прошло уже два заседания, судья вызвала на заседание полицейских, но те не приходят.

15 июля. Тверской районный суд оштрафовал главного редактора «Медиазоны» Сергея Смирнова на 15 тысяч рублей (часть 5 статьи 20.2 КоАП) за одиночный пикет в поддержку Ильи Азара у здания ГУ МВД на Петровке. В его протоколе и протоколах журналистов «Эха Москвы» Татьяны Фельгенгауэр и Александра Плющева — та же «скрытая форма коллективного мероприятия».

20 июля. Тверской суд оштрафовал участницу движения «Гражданское общество» Милу Земцову на 20 тысяч рублей по части 2 статьи 20.2 КоАП после задержания на акции против запрета трансгендерным персонам вступать в браки и заводить детей. В протоколе на Земцову, с которым ознакомилась «Медиазона», говорится, что она «осуществляла распорядительные функции в отношении участников пикетирования, распространяла (раздавала) средства наглядной агитации (заранее заготовленные плакаты) <...>, определяла очередность их демонстраций, снимая происходящее на камеру мобильного телефона».

При этом в самом «Гражданском обществе» настаивают, что с пикетом удалось встать только одной активистке движения, которую тут же задержали — а потом полицейские принялись хватать людей, находившихся рядом.

21 июля. Последним неологизмом в лексиконе московской полиции стала формулировка «собрание-пикетирование», которую использовали при составлении протоколов^[11] на журналистов, задержанных 13 июля во время акции в поддержку арестованного экс-сотрудника «Коммерсанта» Ивана Сафронова. В протоколах указано, что участники — «не менее 50 человек» — использовали плакаты и майки «с единообразным принтом».

Можно, но нельзя. СПЧ просит разъяснений

«Возник спор о статусе пикетирования во время пандемии. И мы высказали свою точку зрения насчет пикетирования: закон должен соблюдаться в том его

понимании, в котором авторы его закрепили в законе и как подписал президент. И здесь не может быть отступлений, и пикет не может рассматриваться как митинг», — подчеркивала уполномоченный по правам человека Татьяна Москалькова, комментируя арест журналиста Ильи Азара.

Ее поддержал глава Совета по правам человека Валерий Фадеев. «На мой обывательский взгляд, если пикетчик один, даже если договорился с кем-то еще, что потом другой придет с такими же требованиями... это одиночное пикетирование и задерживать за это не имеют права», — говорил он.

Алексей Глухов из «Апологии протеста» уверен, что протоколы на участников «пикетных очередей» расходятся с требованиями Верховного суда: согласно постановлению Пленума ВС, ответственность за организацию нескольких одиночных пикетов с одной целью может наступать только в тех случаях, когда они «проводятся одновременно».

В полиции на закон смотрят иначе. «Нам разъяснили в центральном аппарате МВД, что сейчас продолжают карантинные меры, поэтому по статье 20.2 КоАП РФ люди нарушают эти меры, если выходят в одиночные пикеты и заслуживают наказания в виде штрафа в размере от 10 до 20 тысяч рублей», — сообщил «Интерфаксу» председатель Союза журналистов России Владимир Соловьев.

Совет по правам человека на этом не ограничился и обратился к Минюсту с просьбой разъяснить правовой статус «массовых одиночных пикетов» в условиях пандемии. В СПЧ указывают, что полиция

при трактовке закона о массовых мероприятиях придает ему более широкий смысл. «Очевидно, что нахождение граждан в заполненных автозаках в течение нескольких часов создало более высокие риски заражения *COVID-19*, чем их стояние в одиночных пикетах на открытом воздухе», — подчеркивается в [докладе](#) «Уроки эпидемии с точки зрения соблюдения прав и свобод человека и гражданина».

«Пикетная очередь — это не единая акция. Единая агитация, единый замысел, быть может даже единая организация — но это все равно не единая акция, потому что один пикет прекращается и начинается другой. Этот разрыв по времени очень важен, любой внешний человек должен представлять, что это единая акция, что он одновременно видит несколько человек, принимающих участие, — заключает Алексей Глухов. — Одиночный пикет — это проблема нашего дырявого законодательства. У одиночного пикета лицо, его проводящее, считается и организатором, и участником. И это юридическая дихотомия — за что-нибудь да все равно привлекут».

Редактор: Дмитрий Ткачев

-
1. Неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции.
 2. Нарушение порядка организации или проведения митинга или пикетирования.
 3. Особые мнения судей Владимира Ярославцева и Юрия Данилова.
 4. Имеются в виду признанные судом нарушения по статье 10 Европейской конвенции по правам человека (свобода выражения мнения) и статье 11 (свобода собраний и объединений).

5. ЕСПЧ счел, что нарушены статьи 10 и 5 Конвенции (свобода выражения мнений и право на свободу и личную неприкосновенность).
6. Статья 10 (свобода выражения мнения).
7. Часть 8 статьи 20.2 КоАП, повторное нарушение правил организации массовых мероприятий.
8. Часть 8 статьи 20.2 КоАП (повторное нарушение законодательства о митингах).
9. Часть 5 статьи 20.2, нарушение порядка проведения публичного мероприятия и часть 2 статьи 3.18.1 КоАП Москвы, нарушение требований режима повышенной готовности.
10. Часть 5 статьи 20.2, нарушение порядка проведения публичного мероприятия и часть 2 статьи 3.18.1 КоАП Москвы, нарушение требований режима повышенной готовности.
11. Часть 5 статьи 20.2 КоАП.